

ФЕНОМЕН АНАТОЛИЯ МОГИЛЬНИКОВА

В литературной жизни Приамурья послеоктябрьского периода, как и в «большой» советской литературе в целом, существовали художественные явления, воспринимавшиеся как маргинальные, с точки зрения официальной критики и, тем более, разного рода идеологических и цензурных инстанций, не заслуживающие того, чтобы читатели имели к ним доступ, недостойные того, чтобы о них вообще упоминали и даже знали об их существовании. Причины отнесения авторов к числу «маргиналов» могли быть разными: идеологические изъяны, какая-либо политическая «крамола» в их произведениях, утверждение, пропагандирование в них «чуждых» жизненных принципов, сомнительных моральных ценностей, освещение автором «запретных» тем, «теневых» сторон советской действительности, демонстративное отступление от общепринятых эстетических канонов. Наконец, автор мог быть отлучён от официальной культуры и стать «изгоем», «маргиналом» вследствие каких-либо «неправильных», «антиобщественных» поступков, из-за «пятен» в его биографии.

Самое характерное явление подобного рода в литературе Амурского края – личность и творчество А. Могильникова [6].

Анатолий Иннокентьевич Могильников родился 25 января 1940 г. в с. Жариково Гродековского (с 1958 г. – Пограничного) района Приморского края, но детство и юность его прошли в Приамурье.

Вообще же биография А. Могильникова изобилует «белыми пятнами» и противоречиями. Это связано как с закрытостью его характера, так и с обстоятельствами жизненной судьбы: во-первых, он часто (по своей и чужой воле) менял место жительства (Приморский край, Амурская область, Иркутская область, Алтайский край; Жариково, Белогорск, Благовещенск, Суражевка, Усолье-Сибирское, Тыгда, Буря, Новобурейский, Малиновка, Николаевка, Райчихинск и т.д.), надолго нигде не

задерживаясь; во-вторых, дважды был осуждён по уголовным статьям и немало лет провёл в заключении и на «химии» (на поселении), о чём не любил рассказывать даже друзьям.

Первый тюремный срок (десять лет) он получил, по некоторым сведениям, за участие в групповом разбое. Наказание отбывал поначалу в исправительной колонии в Суражевке, об этом можно судить по письмам Могильникова более позднего времени. Затем, по всей видимости, был переведён в Восточную Сибирь (по версии же – весьма сомнительной – собкора «Амурской правды» Геннадия Кремнёва, тот «от звонка до звонка» отсидел в Оренбуржье, где жили немецкие колонисты – отсюда, мол, знание языка Гейне). В 1968 г., когда истекал срок заключения, и Могильникову исполнилось двадцать восемь, он окончил вечернюю (сменную) среднюю общеобразовательную школу рабочей молодёжи № 5 г. Усолья-Сибирского Иркутской области. В аттестате у него стояли две *тройки* – по геометрии и химии, четыре *пятёрки* – по истории СССР, всеобщей истории, обществоведению и иностранному (немецкому) языку, восемь *четвёрок* – в том числе по русскому языку и литературе. Уже по одному этому можно судить и о гуманитарном складе ума Могильникова, и о выстраиваемых им жизненных планах.

В момент поступления в июне 1969 г. на заочное отделение БГПИ Анатолий работал (с ноября 1968 г.) электриком на нефтебазе посёлка Тыгда. Вступительные экзамены и экзамены за первый курс он сдал успешно, в основном на «хорошо» и «отлично». Из преподавателей факультета самое сильное влияние на него оказал Борис Афанасьевич Лебедев, бывший фронтовик, в те годы старший преподаватель кафедры литературы. Его он называл «человеком самостоятельным» (высокая похвала в устах Могильникова), ему единственному передавал «приветы» в письмах к методисту отделения заочного обучения. Лебедев, в свою очередь, ценил этого нетипичного студента за творческие способности, самостоятельность ума. Об этом, в частности, можно судить по рецензии на контрольную работу по введению в литературоведение, посвящённую анализу стихотворения Пушкина «Осень»: «<...> Что касается содержания работы, то оно убедительно доказывает Вашу способность совершенно

свободно ориентироваться в стихосложении и системе изобразительных средств <...>. И уже это даёт право оценить работу по самому высокому баллу. Правда, в интересах Вашего роста можно было бы предложить другой путь анализа (через тему, жанр и стиль). Б.А. Лебедев. 28 марта 1970» (здесь и далее цитируются письма А. Могильникова, хранящиеся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ).

Однако в Благовещенском пединституте Анатолий проучился недолго – 29 апреля 1972 г. по представлению декана факультета он был отчислен «за систематическую неявку на экзаменационные сессии». О причинах такой развязки отчасти можно судить по подшитым в личном деле письмам Могильникова, адресованным методисту ОЗО: «Выполнить работу по диалектологии Приамурья просто нет никакой возможности, ибо в этом посёлке нахожусь немного более года и в силу специфичности своего положения почти изолирован неким моральным барьером от местных жителей. <...> По современному русскому языку тоже неувязка – нет нужных словарей <...>. Да и по языкознанию пришлось шевелить головой, ибо учебников недостаточно, а собственные выводы могут быть ошибочными, тем более что на большинстве лекций я отсутствовал, а наши студентки, оставившие мне свои адреса и обещавшие помочь, на мои просьбы выслать на время конспекты не ответили, а быть назойливым – не в моём духе» (Тыгда, 26 ноября 1969 г.); «К сожалению, мне ничего сдать больше не удалось, а средств на существование не оставалось, поэтому я срочно удрал из Благовещенска. <...> Написать раньше никак не мог собраться, ибо сразу устроился в редакцию и почти всё это время носился по командировкам» (Малиновка, 17 августа 1970 г.); «Извините, что никак не мог сообщить Вам о своём местопребывании, однако только недавно – на постоянном месте жительства. Прошу Вас сообщить мне, каким образом организовать перевод из Благовещенска в Барнаул, ибо у меня в ближайшие полгода нет совершенно никакой возможности ездить в Благовещенск, да и вообще бессмысленно ездить туда, где на тебя смотрят, как на врага (я имею в виду тот случай, когда мне дали в горотделе милиции 24 часа, чтобы я убрался из

Благовещенска). При таком обращении не только учиться, но и жить-то не хочется» (Угловское, 24 декабря 1970 г.).

В этих письмах Могильников рассказывал не всё. Умолчал, например, о том, что в Алтайский край он перебрался, потеряв работу учителя в Бурее: «за непокладистый характер» (А. Табунов). В с. Угловском, районном центре Угловского района Алтайского края, куда Анатолий внезапно уехал в конце 1970 г., он устроился корреспондентом районной газеты «Трудовая слава». По свидетельству друга Анатолия – журналиста Александра Табунова, впоследствии об этом периоде жизни Могильников «рассказывал без усталости, поскольку там имел возможность общаться с немецкими колонистами» на их родном языке.

Не получив систематического, тем более высшего, образования, Могильников был человеком с весьма широким кругозором: в совершенстве владел немецким, самостоятельно освоил идиш, переводил с украинского и белорусского. Его цепкая память хранила всё, что он прочитал, а читал он много, в том числе в заключении, используя для этого любую возможность. В письмах к друзьям он постоянно ссылается на работы (чаще цитирует) физиков, философов, в том числе, А. Эйнштейна, Гегеля, цитирует и довольно метко характеризует стиль, язык произведений Вальтера Скотта, Лиона Фейхтвангера, Роберта Бёрнса, Хемингуэя, многих русских и советских (среди них и амурских) поэтов и прозаиков. Зрелость и самостоятельность его суждений, критический склад ума, великолепное владение словом, отточенность стиля (что проявилось даже в письмах, наспех написанных в полутёмной тюремной камере) не могут не поражать. Кстати, большая часть писем, созданных на воле, аккуратно отпечатана самим Могильниковым на машинке (а написанные от руки отличаются каллиграфическим почерком) и представляет несомненный интерес – и не столько наполненностью биографическими сведениями (их-то как раз немного), а полётом мысли, оригинальностью, остротой и точностью оценок – книг, людей, событий.

С большой временной дистанции невозможно точно установить, когда именно Могильников увлёкся переводами стихов с немецкого, скорее всего, в заключении. Тогда же он нашёл автора, который был ему наиболее близок по мироощущению, взглядам и поэтике, которого до конца жизни он будет ставить выше всех других и называть великим – Генриха Гейне. Видимо, именно перевод стихов немецкого поэта пробудил в нём интерес и к собственному художественному творчеству – поэтическому, а затем и прозаическому.

А. Табунов писал, что прозе Могильникова предшествовала публицистика: в частности, памфлет «Ископаемое», «посвящённый некой весьма и весьма высокопоставленной персоне из обкома партии», а также «очерк про шестьдесят восьмой чехословацкий год». По этому же свидетельству, рукописи обоих текстов, написанных в конце 1960-х, были изъяты у Анатолия сотрудниками КГБ. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения документально пока не удаётся.

В местных, областных литературно-журналистских кругах к Могильникову в целом относились настороженно. Виной тому и биография, и неуравновешенный, взрывной характер Анатолия, и резкость суждений, в том числе, об амурских авторах. Об этом отчасти можно судить по письмам Могильникова, адресованным журналисту А. Табунову (в настоящее время хранятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, куда они были переданы А. Табуновым).

Отношение Анатолия к амурским писателям, находящимся в фаворе, преуспевающим, пользующимся поддержкой официальных властей, было презрительно-враждебное. Вот, например, его реакция на создание в области отделения Союза писателей: «Об образовании Амурского отделения СП я читал в газете, где было выступление Машука. Я бы сказал, компания собралась не ахти какая. Возможно, я и не прав, но у меня к “гражданам сим” какая-то органическая неприязнь» (16 февраля 1976 г.). В письме к А. Табунову от 7 декабря 1978 г. он именует признанных поэтов Приамурья «виршетворцами», а общую атмосферу литературной жизни области – «клоакой», попадая в которую нельзя не измазаться.

Причём, хлёсткие, предельно жёсткие оценки он даёт не только своим принципиальным идейным противникам, не только тем, к кому относится враждебно, но и литературным соратникам, тем, с кем находился в приятельских отношениях. Вот один из его выпадов по адресу такого рода амурских литераторов, датированный 2 февраля 1977 г.: «На моих глазах А[...] превратился из хорошего поэта в халтурщика, а на твоих глазах – Ч[...] из поэта и журналиста в скользкого червяка». Чуть позже, 27 февраля того же года, А. Могильников негативно отзывается об амурском авторе, о котором прежде у него было в целом положительное мнение: «Недавно мне прислали литстраничку “Советского Приамурья”. Я высылаю её тебе. Рассказ Юркевича [Могильников в данном случае использует не подлинную фамилию писателя, а подобие прозвища. – А.У.], помещённый там, – яркий пример бесконтрольной публикации халтуры. Я предупредил Володю, что это испортит его. Теперь он убивает в себе и средние литспособности, кои в нём были. Эту страницу можешь показать кому пожелаешь, в том числе и Машуку, которому, возможно, придётся возиться с Юркевичем, когда тот поймёт, что в литературе ему делать нечего».

Немаловажной причиной «дурной репутации» А. Могильникова в литературных кругах Приамурья была и плохо скрываемая оппозиционность, неприятие им царящей вокруг лжи, официоза, духа верноподданничества и казённости. Он ценил рассказ «Один день Ивана Денисовича» и не скрывал этого, несмотря на то, что с конца 1960-х Солженицын впал в немилость. А так как в небольшом Благовещенске все были на виду, общение с Могильниковым могло стать небезопасным, этим можно было навлечь на себя неудовольствие властей и органов госбезопасности. Отчасти поэтому Анатолия многие сторонились. В его поэтическом творчестве этого времени есть стихи с острым социально-политическим содержанием: «Патриотизм», «Идолы», за любое из которых можно было получить тюремный срок, например, за последнее:

Сойдёт один, взойдёт другой трибун,
Его спихнёт без сожаленья третий.

Не сядет же им на язык типун
За то, что всяк – единственный на свете.

И сыздавна такая суетня –
Из тьмы на целый мир трещат цикады.
Замолкнет стрекотня, пойдёт грызня,
И – кланяйся очередному гаду [4, с. 61].

Однако оппозиционность Могильникова не была «диссидентской», либеральной по духу и сути. С местными диссидентами он не был близок, осознавая, видимо, что оттепельный либерализм мало чем отличается от исподтишка оплёвываемого им «советского тоталитаризма», что он тоже основан на лицемерии и диктате одного (в данном случае «либерального») мнения. Об этом можно судить, например, по стихотворению «Избиратели»:

Я слышу за углами, в подворотнях
Подпольной оппозиции скулёж.
О Боже, дай свободу этим сводням,
Чтоб доказать, что правда – это ложь!

Ведь день придёт – пойдут они, как тени,
Улыбками сравнив кривые рты,
Опустят в урны гордо бюллетени,
Неся на холках чинно хомуты [4, с. 60].

Прошло несколько десятилетий, желанный для диссидентов «день пришёл», так что любой желающий может судить о точности социально-политического прогноза Могильникова.

В круг общения Анатолия Могильникова входили те, кто стоял отнюдь не в центре литературной жизни Приамурья: поэты Леонид Андреев и Валерий Черкесов, журналисты Александр Табунов и Геннадий Кремнёв. Большие симпатии Могильников испытывал к журналисту «Амурской правды» Абраму Ривлину (об этом свидетельствуют его письма). Пытался помочь Анатолию сам нередко попадавший в опалу редактор Марк Либерович Гофман.

Но чаще поддержка, пусть и моральная, исходила от тех, кто находился за пределами Амурской области, кто не был посвящён в тонкости местной литературной жизни. Так, в ноябре 1974 г. на семинаре литераторов Амурской области, в работе которого приняли участие писатели из Москвы и Хабаровска, Анатолий получил похвалы от приезжих авторов за стихотворение «Чудо Света»:

Ничем не удивишь наш век бумажный,
он убеждён: на свете нет чудес!
Но есть же в мире из железа башня,
террасы, пирамиды до небес!

Пусть потрясает души диво это,
пусть каждый стык описан и воспет,
но самым величайшим Чудом Света
является обыкновенный свет [3, с. 20].

Среди тех, кто и в дальнейшем проявлял к нему, к его творчеству интерес, Могильников не раз называл дальневосточных поэтов Михаила Асламова и Валерия Шульжика.

На рубеже 1960–1970-х гг. переводы Могильникова (в основном с немецкого) изредка печатались в альманахе «Алтай», журналах «Сибирские огни», «Простор», в газетах «Ротэ Фанэ», «Фройндшафт». С некоторыми из поэтов, живущих в СССР, но пишущих на немецком, он вёл переписку: в частности, с Г. Кемпфом, которому посвятил стихотворение «Поэту и другу», а также с Ф. Больгером. В Благовещенске единственная заметная прижизненная публикация под собственным именем переводчика состоялась в альманахе «Приамурье моё –1970» при покровительстве редактора М.Л. Гофмана, настоявшего на включение в этот выпуск подборки переводов Могильникова под общим заглавием «Голоса друзей». Её составили, как было сказано в авторском (в реальности, написанном Гофманом) предисловии, «переводы произведений нескольких советских поэтов, пишущих на немецком, украинском, белорусском и еврейском языках» [1, С. 265]. С немецкого были переведены

весьма посредственные, но идеологически выдержанные стихи Давида Иоста («Здравствуй, Родина!»), Генриха Кемпфа («Мечтающему другу»), Фридриха Больгера («Я в каждый новый путь несусь, стремглав...»), «Мир сказочной мечты»), а также искусственно пристёгнутый к произведениям «советских немцев» перевод «Баллады о троих» Иоганнеса Бехера:

Промолвил офицер: «Еврея – в яму!»
«Нет!» – русский отвечал упрямо.

Тогда палач их поменял местами.
«Нет!» – возразил еврей, сверкнув глазами.

«Засыпать их обоих!» Но в ответ
От немца офицер услышал: «Нет!»

«Его туда же с этими двоими, –
Носить он не достоин немца имя!»

И немцы немца закопали с ними [1, с. 268].

Включение этого единственного по-настоящему талантливому произведению редактор мотивировал, как сказано в предисловии, тем, что Бехер – «поэт-коммунист». О включении в подборку переводов Гейне тогда не могло быть и речи. Тем более собственных стихов Могильникова – недавнего «уголовника», человека с сомнительным прошлым и непредсказуемым будущим. Получается, как в воду смотрели...

В 1976 г. Могильников «волей абсурдного случая» (А. Табунов) снова попал «на зону» в Суражевку. Как рассказывает поэт Валерий Черкесов, в письме к нему Могильников поведал об обстоятельствах драматического инцидента, обернувшегося новым сроком: опоздав на автобус, он пешком шёл из Новобурейского в соседнюю Николаевку. По пути встретились два парня и стали задираться. Кончилось это тем, что невысокий, однако физически крепкий Анатолий нанёс увечье одному из них. Результат – очередной срок, на этот раз семилетний.

Уже из Суражевки он пишет своему другу: «Работаю я обмотчиком электромоторов. Работа нравится, а это – одно из условий равновесия моего морального состояния» (16.12.1976); «Ты спрашиваешь, какова жизнь. <...> Лагерь есть лагерь. Все идут в санчасть лечиться, а для меня у докторов нет лекарства – я здесь, как и первый срок, болею ностальгией, то есть тем, чем должен болеть настоящий русский человек на пресловутом архипелаге» (24.9.1977).

Из тех же писем можно узнать, что и в заключении, преодолевая всевозможные трудности, Могильников живёт почти исключительно творчеством: «Между тем доделываю книгу Гейне “Такова жизнь” – в ней уже более ста готовых стихотворений. Из литконсультации СП [Союза писателей СССР. – А.У.] уже сюда получил письмо. Л.Г. [Людмила Георгиевна. – А.У.] Сергеева пишет, что попытается передать мои рукописи в изд. “Худ. литература” какому-то Парину. <...> / Занимаюсь и прозой. Взятся основательно за военную повесть “Дорогая в рай”, <...> но до окончательной редакции рукописи ещё далеко. Слишком мало у меня времени на эту работу – не более трёх часов в сутки. Режим есть режим, и я стараюсь не нарушать его. <...> После “Дороги в рай” хочу капитально взяться за “Волков”. Трудно здесь работать над языком – почти невозможно сосредоточиться в самом себе, шум, гам, споры, доминошные костяшки, словом всё это бьёт по нервам» (16.12.1976). Об интенсивности работы Могильникова даёт представление следующее письмо, написанное через полтора месяца: «“Дорогу в рай” я закончил. Получился средненький военный роман. Средненький – по объёму. <...> Написал ещё повесть о нашем времени “Странные люди”. В основе – некоторые автобиографические факты, но принципиально – вымысел, особенно психологические выкладки. Собственно, даже не вымысел, а некое средоточие известных мне характеров» (2.2.1977).

Что касается неоднократно упоминаемой в письмах Могильникова повести «Волки», то её рукопись была передана автором хабаровскому прозаику П. Халову, который спустя полгода ответил, что рукопись утеряна. Рукопись повести

«Дорога в рай» «на временное хранение» Анатолий передавал своему другу А. Табунову, который «ходил с нею по редакциям», но тщетно. Зав. отделом «Амурского комсомольца» Т. Андреева, при всей симпатии к автору повести, изумилась: «кто же, дескать, это напечатает, если автор – уголовник»? Узнав о такой реакции знакомых ему газетчиков, автор обиделся и незадолго до смерти рукопись забрал. Предложение попытаться напечатать повесть под псевдонимом он категорично отверг. Судьба этой рукописи, как и всего архива Могильникова, остаётся неизвестной. В одном из писем он упоминал, что почти все его ненапечатанные вещи хранятся у матери: «<...> мои рукописи на 99,9% у моей матери, они запакованы и ждут меня» (2.2.1977). Однако родственники Могильникова после смерти Анатолия Малиновку покинули, следы их теряются. Спустя годы, в 1993-м, газета «Амурские вести» опубликовала хранившуюся у А. Табунова фантастическую повесть «Потерянные пенаты» – единственное прозаическое произведение Могильникова, увидевшее свет. Рукопись повести «Странные люди», о работе над которой Могильников упоминал многократно, тоже бесследно исчезла.

Но главное, чем была заполнена и наполнена жизнь Могильникова в последние годы – перевод произведений Гейне. Как отмечалось выше, в 1976 г. он отослал в Союз писателей перевод книги стихов Гейне «Такова жизнь» – всего 120 стихотворений. Оттуда рукопись была передана в издательство «Художественная литература» и попала в руки известного переводчика, поэта Алексея Васильевича Парина, в 1974–1978 гг. работавшего редактором в этом издательстве (с 2000 он – главный редактор издательства «Аграф»). Автору переводов было предложено устранить отдельные недостатки формального, «технического» мастерства. О том, в каких жизненных обстоятельствах устранялись эти «недостатки», Анатолий поведал Александру Табунову: «Пишу ночью при свете замазанной синей краской лампочки, ибо... до отбоя писать невозможно: шум, гам, заглядыванье, подглядыванье – многим любопытно, что же пишет Могила. Некоторые первое время думали, что – доносы».

Тем не менее, работа над книгой продвигалась, а между переводчиком и редактором завязалась переписка. О ней Могильников рассказывал В. Черкесову: «Не помню, писал ли я тебе – в ноябре получил письмо из Союза писателей. Теперь у меня – постоянная связь с редактором изд. “Художественная литература”, который непосредственно занимается мировой поэзией, в частности – редактирует собрание сочинений Генриха Гейне. <...> Вот что пишет этот Алексей Васильевич Парин: “Ваши переводы во многих случаях берут за душу, дают ощущение значительности, подкупают искренним желанием постичь тревоги и страдания поэта, “врасти в его шкуру”, некоторые строки очень “узнаваемы” – сразу скажешь, что это Гейне. Они явно выигрывают на фоне переводов, сделанных “аккуратно”, где и слова-то вроде бы стоят на месте, и рифмы складные, и интонация бойкая – а поэтическая суть не проглядывает...” <...> И что мне понравилось, этот Парин анализирует мои переводы не в сравнении с переводами других, как порою делал Гинзбург, а в сравнении “с заколдовывающим подлинником”. В конце письма он пишет: “Хочется, чтобы все строчки в Вашем Гейне были вровень с лучшими из уже написанных, где “ни убавить, ни прибавить”, и всё дышит подлинной поэзией <...>. Желаю Вам внутренней стойкости, терпения и – главное – настоящих творческих побед. Буду рад помочь Вам в дальнейшем”. <...> Кстати, этот Парин умница и не строит из себя гения. Послушай-ка, что он ещё пишет: “Наши литературные вкусы субъективны, и только, мягко говоря, неумные люди могут считать себя истиной в последней инстанции...” Это, друже, большая удача, что мне попался такой критик» (8.12. 1977).

Некоторые из стихотворений Гейне в переводе Могильникова хранятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, некоторые в 2006 г. опубликованы в альманахе «Амур» [4]. А некоторые приведены в статье А. Табунова «Человек, любивший Гейне» [5], в том числе классическое произведение, широко известное по вольному переводу Лермонтова («На севере диком стоит одиноко / На голой вершине

сосна...»). В максимально приближенном к оригиналу переводе Могильникова оно звучит так:

Развесистый кедр на севере дальнем,
Уснув на скалистом холме,
Застыл одиноко, и снегом кристальным
Его заметает во тьме.
И снится ему, что вот так же печально
В далёкой пустынной земле
Стоит и грустит одинокая пальма
На выжженной солнцем скале [цит. по: 5, с. 50].

Кстати, на рукопись Могильникова откликнулся ещё один известный в переводческой среде человек – в те годы председатель секции переводчиков Московского отделения Союза писателей СССР Лев Владимирович Гинзбург. По поводу процитированного перевода он написал: «Вы не побоялись посоперничать с самим Лермонтовым в переводе “Сосны” и доказали, что любое честное состязание в литературе закономерно». И далее известный советский переводчик, большой знаток немецкой поэзии, написал «уголовнику» Могильникову: «Ваша работа кажется мне первой за долгие годы восточкой о том, что недалеко то время, когда мы прочтём Гейне таким, каким он был на самом деле...»

Однако всё вышло иначе: в феврале 1979 г. Анатолий Могильников внезапно скончался и судьба его рукописи остаётся неизвестной. А.В. Парин, отвечая на запрос автора этих строк, написал: «Я грешным делом совсем не помню о переводах Могильникова из Гейне. В издательстве Художественная литература, где я работал с 1974 по 1978 год, занимались изданием собрания сочинений Гейне, но я к этому не имел отношения. Ничего вспомнить решительно не могу! Так что извините! Дома, в любом случае, никаких материалов по этому поводу у меня нет точно. С уважением Алексей Парин» (10.2.2013). Однако после того как ему были процитированы некоторые фрагменты из писем Могильникова, Парин фактически признал своё участие в судьбе рукописи: «Если бы Вы знали, как мне приятно было читать Ваше второе письмо. Да,

я “подрабатывал” в консультации при Союзе писателей, Люда Сергеева меня “привлекла”. <...> Я рад, что мог как-то “окрылить” переводчика». Так что вопрос о судьбе находившейся в «Художественной литературе» рукописи остаётся открытым...

Сам же автор переводов был уверен, что его книга рано или поздно дойдёт до читателей и получит признание. Вот строчки из его письма из Суражевской колонии, датированного 2 февраля 1977 г.: «Хотят или не хотят иные граждане, а в русской литературе я буду существовать – это только вопрос времени. <...> Всему свой черёд. Скандал – это не лучший путь к славе, да мне и наплевать на неё – пусть славится великий Гейне в моих переводах, я даже буду доволен, если читатели не заметят, что это переводы. Ведь если выпячивается “Я” переводчика, то бледнеет “Я” автора оригинала».

В связи с большой амнистией по случаю 60-летия Октябрьской революции 22 марта 1978 г. Могильников получил условно-досрочное освобождение и в апреле того же года был направлен на поселение в Райчихинск. «Отметив» радостную перемену в судьбе, он в первый же вечер попал в вытрезвитель, где ему «сломали всего одно ребро» (из письма от 26.4.1978). Лечиться, однако, было некогда: его ждала работа «плотника-бетонщика». Развязка была уже не за горами. Ощущал ли это Могильников? По-видимому, да. В конце декабря 1978 г., за месяц с небольшим до смерти, он написал стихотворение «Эпилог» (судя по всему, последнее, прощальное его произведение), отразившее его физическое и душевное состояние:

Поля в смирительной рубашке снега,
леса в наручники невидимые холод заковал,
как будто бы в груди Земли иссякла нега
и вместо солнца в небе – огненный провал.

Но ждёт Земля весну – так ждёт свободу узник,
торопит годы, дни, торопит каждый час:
надежда теплится в его глазницах грустных,
хоть жизнь почти что вытекала из глаз [4, с. 60].

Предчувствие не обмануло поэта: в феврале 1979 г. жизнь его оборвалась. Физически ощутить себя свободным человеком ему не было суждено, но мятущаяся душа поэта вырвалась-таки на свободу...

Из того, что было создано Могильниковым за долгие годы, сохранилось не так уж много, в основном, оригинальные стихи. Так, в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ хранится (помимо рукописи фантастической повести «Потерянные пенаты» с правкой М. Гофмана и писем, также переданных А. Табуновым) отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов «Свет и мрак» (1978) – семьдесят одно «восьмистишие». Книжка эта (как и сохранившиеся переводы Гейне) достойна быть опубликованной, ибо откроет амурским читателям глубокого и самобытного лирика, тяготеющего одновременно и к отражению мгновений своей жизни, к выразительным пейзажным зарисовкам, к деталям, и к философскому обобщению. Только в одном случае автор «Света и мрака» отступает от заявленной художественной формы – любимого им восьмистишия, требующего лаконичности, большой смысловой наполненности при минимуме поэтических средств. Не всё в сборнике равноценно, есть и слабые, проходные стихи, но некоторые из восьмистиший воспринимаются как подлинные шедевры: «Первая любовь», «Моя любовь», «Тальник», «Осенний этюд», «Неотвратимое», «Творчество изнутри», «Солнечный ветер», «Саранки», упоминавшееся выше «Чудо Света». Таково и стихотворение «Нелегальная поэзия» (1978), в котором автор обнажает свою творческую лабораторию:

Поэзия, никем не признанная в мире,
мне открывается под капель чистых звон.
Мы с дедом тайно заперлись в его квартире,
и я смотрю, как он химичит самогон.

Потом мы вместе пьём, и огненная влага
втекает в сердце мне, закону вопреки.
Как дед добыл её из жёлтой, мутной браги,

так добываю я из смутных чувств стихи [3, с. 62].

В письме к другу Анатолий Могильников признавался, что его «тянет к простоте, к классической ясности и к народной непосредственности». Всё это справедливо по отношению к большей части текстов, включенных автором в сборник «Свет и мрак».

Литература

1. *Могильников А.* Голоса друзей // Приамурье моё – 1970: Литературно-художественный сборник. Благовещенск: Амурское отд. Хаб. кн. изд-ва, 1970. С. 265–272.

2. *Могильников А.* Потерянные пенаты: Фантастическая повесть. [Свободный], 1978. 45 с. [Отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» текст повести хранится в литературно-краеведческом музее БГПУ].

3. *Могильников А.* Свет и мрак: Восьмистрочия. [Райчихинск], 1978. 71 с. [Отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов хранится в литературно-краеведческом музее БГПУ].

4. *Могильников А.* Стихи и переводы с немецкого // Амур: Литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 60–61.

5. *Табунов А.* Человек, любивший Гейне: Опыт комментария к судьбе // Амур: Литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 49–59.

6. *Урманов А.В.* Могильников Анатолий Иннокентьевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск, 2013. С. 267–270.